

Максимилиан Александрович Волошин

На белом камне

Максимилиан Александрович Волошин

На белом камне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22833906

Аннотация

«Есть состояния в истории человечества, когда является потребность заглянуть в будущее. Как будто разверзается бездна времени и в ней шевелятся неясные призраки наступающего. Как будто физически ощущается та точка, из которой лучатся направления всех возможностей и есть вера в выбор. Изучая сложный рисунок пути, по которому шел человеческий дух, острый ум мечтает прочесть в нем руны будущего...»

Максимилиан Волошин

На белом камне

(*Anatole France. Sur la pierre blanche. Edit. Calmann-Lévy Paris. 1905*)

Есть состояния в истории человечества, когда является потребность заглянуть в будущее. Как будто разверзается бездна времени и в ней шевелятся неясные призраки наступающего. Как будто физически ощущается та точка, из которой лучатся направления всех возможностей и есть вера в выбор. Изучая сложный рисунок пути, по которому шел человеческий дух, острый ум мечтает прочесть в нем руны будущего.

У Анатоля Франса есть книга, которую по ее абсолютному значению, по важности вопросов, обсуждаемых ею, можно сопоставить только с «Тремя разговорами» Владимира Соловьева. Славянский пророк и утонченный скептик латинской расы, конечно, не совпадают ни в одном своем положении, но и та и другая книга вызваны одним и тем же чувством: мы стоим на пороге, и сквозь четверугольник двери мерцают неизвестные звезды. Отношения прошлого и будущего, разумеется, неодинаковы в этих книгах. Апокалипсические молнии откровений, освещающие предельные судьбы человечества, чужды Анатолю Франсу. Его линия будущего очень невелика, логична и проведена нетвердой рукой. Но

зато скальпель, которым он расчленяет прошлое, проникает глубоко уверенно и не ошибается в своих рассечениях. Во всем, что касается прошлого, видна рука гениального оператора.

«Было так, как будто я спал на белом камне среди толпы снов» – ставит Анатолий Франс эпиграфом слова Филострата.

Как культурные римляне могли относиться к зарождавшемуся христианству? Мог ли острый и наблюдательный ум лучших представителей римской культуры заметить в то время то громадное значение, которое предстояло сыграть зарождающейся религии? Были ли у них данные заключить, что именно эти люди через два столетия займут мировой престол, принадлежащий Риму? И, наконец, изучив эту эпоху, – можем ли мы теперь уловить в нашей современной жизни те тонкие струйки, которым предстоит разрастись в широкие реки и затопить нашу культуру? Об этом говорят несколько молодых ученых, сидя весенним вечером на раскопках римского форума.

Разговор, естественно, ведется о внешнем виде старого форума и затем переходит к римской религии.

Римляне были рассудительны и практичны даже в своей религии. Боги их часто были неуклюжими, вульгарными, но всегда здравомыслящими и иногда великодушными. Если сопоставить этот римский Пантеон, состоящий из воинов, чиновников, дев и матерей семейства, с чертовщиной, нарисованной на этрусских могилах, то вы увидите лицом к ли-

цу рассудок и безумие. Римские боги были боги полезные: каждый имел свою функцию. Даже нимфы занимали гражданские и политические должности. И несмотря на все азиатские влияния, это отношение к религии не изменилось у современных итальянцев. То, чего они требовали раньше от языческих богов, теперь они ждут от Мадонны и от святых. Каждый приход имеет своего собственного святого, которого он уполномочивает на представительство, как депутата в парламент. Латинская фантазия сделала из еврейского монотеизма снова многобожие. Женщины сообщают Богоматери о своих влюбленностях. Они думают вполне справедливо, что раз она женщина, то она понимает их, и что с ней можно не стесняться.

Они никогда не боятся быть с ней нескромными, что доказывает их благочестие. Поэтому нам кажется настолько трогательной молитва генуэзской девушки: «Святая Богородица, Вы, которая зачала сына не согрешая, сделайте так, чтобы я могла согрешить не зачиная».

Они были слишком рассудительны, чтобы любить войну ради войны. Это были земледельцы, и войны они вели земледельческие. От побежденных они требовали не денег, но земли. Можно скорее удивляться, как они сумели сохранить свою землю, чем тому, что они ее приобрели.

Платоновский диалог, ступая по этим этапам, подготавливает вступление к рассказу одного из собеседников Николая Ланжелье.

Это рассказ «Галлион». Галлион – родной брат Сенеки – был проконсулом Ахайи. Это был человек образованный и очень начитанный в греческой литературе. Насилие он рассматривает как худшую и непростительнейшую из слабостей. Он был врагом всякой жестокости, если только ее истинный характер не был скрыт от него древностью обычая и общественными взглядами. Призванный управлять Грецией покоренной, лишенной своих сокровищ и славы, он в своем управлении сочетал бдительность опекуна с сыновним благоговением. Он уважал вольности городов и права личности. Жил он в Коринфе в вилле, построенной на западных склонах Акрокоринфа в эпоху Августа. Это был Коринф новый, Коринф римский, построенный на месте старого Коринфа – красавца Ионии, разрушенного войсками Муммия. Ранним утром, сидя на террасе своего дворца над просыпающимся городом, он ведет беседу со своим братом Аннеем Мелой, двумя римскими юношами Лоллием и Луцием Кассием и греком-философом Аполлодором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.